

Моим дедушкам

Уорику Филлипсу (15 сентября 1886–1 августа 1919)
из Роринг-Крик, Западная Вирджиния

Джеймсу Уильяму Торнхиллу
(31 июля 1867–21 августа 1943)
из Бакхэннона, Западная Вирджиния

и «двоюродной бабуле Дженни» моей бабушки Грейс
Бойд Торнхилл, которая в 1865 году дождалась мужа
из печально известной ричмондской тюрьмы Либби

Мне интересно все, что способно запустить и подстегнуть процесс выхода из отчуждения.

Тони Моррисон.

Игра в темноте: белизна и литературное воображение

Западную Вирджинию давно пора признать отдельным штатом. Восток всегда считал эту область, расположенную к западу от гор, неким внешним довеском... подопечной территорией... Наш штат — порождение бунта, однако мир, процветание и счастье, наше и... всей страны, [зависит] от своевременного пресечения попытки свергнуть правительство наших отцов; я считаю своим долгом сразу же по окончании церемонии двинуться на помощь представителям федералов, пытающимся пресечь эти разрушительные действия.

ГУБЕРНАТОР АРТУР БОРМАН.

Инаугурационная речь в штате Западная Вирджиния.

Уилинг, Западная Вирджиния, 20 июня 1863 года

Я не могу пересказать и половины тех ужасов, которым стал свидетелем, впрочем, они в силу своей обыденности уже не внушают мне ужаса.

ЛЕЙТЕНАНТ ЧАРЛЬЗ ХАРВИ БРЮСТЕР.

*Десятый массачусетский пехотный полк, май 1864 года;
Гражданская война: последний год, свидетельства участников
(под ред. Арона Шихана-Дина)*

А я говорю, она у нас внутри, вся война.

Денис Джонсон. *Дымовое древо*

ЧАСТЬ I

1874

Одно из самых прискорбных следствий душевных болезней состоит в том, что пациентов на время лечения зачастую приходится разлучать с семьями; ибо удобства и роскошь, плоды богатства и нежнейшего отношения, как правило, не способны им помочь...

Простейшие понятия об элементарной гуманности должны обязывать каждый штат проявлять заботу обо всех душевнобольных, проживающих на его территории... особенно из числа бедных.

Доктор Томас Стори Киркбрайд, 1854 год
*О строительстве, организации и обустройстве лечебниц
для душевнобольных*

КонаЛи

ПОЕЗДКА

Апрель 1874 года

Я залезла в повозку, Папа меня посадил рядом с Мамой, мы все трое на одном поперечном сиденье.

За руку ее держи, сказал он мне, как она любит. Сиди, не ерзай. И ей не давай.

Я заметила, как он наклонился и привязал Мамину лодыжку к своей. Мне было жарко, потому что Папа заставил надеть капор, чтобы кожа не обветрилась и у глаз морщинки не пошли. На случай, если из меня всё же выйдет толк.

Ты с ней говори, велел Папа. Скажи, ей там понравится. Славное место, богатое, прямо замок с часовой башней. Вот прям так ей и скажи.

Мама, тебе там понравится, сказала я. Место богатое, прямо как замок, весь из камня.

Про пальмы тоже скажи.

Там пальмы в горшках растут, Мама, и диваны из бархата, как в городской гостинице.

Только Мамой ее не зови, велел Папа. Не видишь, что ли, как она одета?

Платье это ему отдал один вдовец — сложил в саквояж одежды, какие от жены остались: шелковое исподнее, нижние и верхние юбки, атласный корсаж и жакет с рукавами-буфами, сетку для волос с перламутровым гребнем. Мамины темные волосы соседка заплела и собрала в узел, как на картинке из «Дамского журнала Годаея», которая у нас висит на стенке.

Знаешь же, как ее звать, сказал Папа. Не запутайся.

Ты велел ее называть мисс Дженет. Хотя это и не ее имя.

Теперь ее. От старого ей одни беды. Приличная дама, одна на свете. Давай, зови ее по имени.

Сейчас, минутку. Надо отдышаться.

Я все-таки положила ладонь поверх ее ладони. Она так вцепилась себе в коленку, что я чувствовала, как дрожит рука. Я сама совсем запыхалась, пока относила младенчиков соседкам. Одна согласилась взять старшенького, потому что он уже ходит и говорит, и к нему близнеца, чтобы два

мальчика получилось. Другая обещалась взять близняшку, и к этой пришлось идти отдельно, еще и тащить тележку с мукой и солью. Мы же вроде как не на один день, если нам в самый Уэстон. Папа сложил вещи в ранец, взял себе постель-скатку. Я прихватила свой кожаный мешочек с красивыми пуговицами, пристроила его под шерстяную кофту. Штаны надела, как когда кур хожу кормить.

Папа, а кто будет кур кормить, пока мы в отъезде, и яйца собирать?

Эта, соседка, сказал Папа. Которая близняшку взяла.

Имен Мама младенчикам так и не дала. Мы их называли попросту младенчиками, а она всех троих кормила грудью. Близнецам было всего три месяца. Я отсчитывала недели, перечеркивала каждое воскресенье с первого февраля. Как раз тогда мы с Папой помогли Маме разродиться и он перерезал каленым ножом пуповины. Никто не пришел нам помочь. Даже Деввла, старушка-соседка, которая живет кряжем выше, — Папа ей запретил приближаться к нашему дому. Из рта у Мамы вылетали вой, звуки и слова. Я все надеялась, что она опять заговорит как прежде, до Папиного появления, теперь кажется, это давно-давно было. Но слов я от нее так и не дождалась, да и с кровати она не встала. Я ей носила младенцев из ящичков комода, которые выстлала одеялами. Молока у нее было хоть залейся, грудь как камень и из лифа вываливается, ну я и оставляла младенчиков в кровати, пусть сосут. Старшенький уже сам пошел, но тоже залезал подкормиться.

На дороге все время то солнце, то тень, то солнце, то тень. Ранняя весна, на самых высоких соснах еще изморозь.

Ты с ней говори, сказал Папа, я ж тебе велел.

Там часовая башня, весь город по ней время сверяет, сказала я Маме. Большая лужайка и пруд с рыбами. Дорожки и клумбы.

У нас тогда была корова, я давала Маме молока, взбив его с яйцом. Ей случилось произнести слово, прямо совсем отчетливо. Звон, говорила она, или гусь. То ли это была игра вроде «камень, ножницы, бумага». То ли ей хотелось позвонить в колокольчик. Я ей принесла один со сбури в сарае, но она его сразу отложила в сторону. Гуся у нас не было. Мне и так забот хватало: менять пеленки, замачивать, стирать, развешивать флагами на веревке у крыльца.

Ее имя, сказал Папа.

Мисс Дженет, вам понравится гулять по аллеям. Там живут приличные дамы. Папа говорит — у каждой своя комната. Как в гостинице. Можно отдохнуть. Никаких дел по хозяйству. Хлеб прямо из печи, с маслом. Там своя пекарня и молочная, покупают у фермеров свежие продукты. Кукурузу, помидоры, мясо.

Дел по хозяйству Мама и так никаких не делала уже давным-давно. Пока мы ехали, она качала головой, медленно наклоняя лицо то в одну сторону, то в другую. Сережки, которые я нашла у нее в кармане жакета, были с кисточками, подходившими по цвету к корсажу платья,

она чувствовала, как золотые ниточки щекочут подбородок. Плечи она расправила, да так и застыла — ни за что, мол, не встанет и не пойдет, куда поведешь, — и вид у нее от этого был гордый. Будто ничто ее не касается. Наверное, он потому так все и придумал, а еще потому, что вдовец решил раздать женину одежду. И потому что корова издохла. Корову я застала на коленях, не было уже времени бежать на кряж к Дервле за кореньями или вытяжкой из мозговых костей. Папы вечно не было дома, он из города возвращался только к вечеру, привозил керосину, хлеба и сыра. А бывало, что уходил в лес, охотился. На кроликов, фазанов, индюков. Одежду он раздобыл в городе. Прямо ко времени, сказал он, а потом все сразу и закрутилось, мы пристроили младенчиков, чтобы она могла отдохнуть.

Мы будем тебя навещать, мисс Дженет, сказала я. И младенчиков привезем. Принарядим и привезем тебе показать. Ты отдохни, пока они подрастут.

О дитенках пока не переживай, сказал Папа. И стал насвистывать.

Я прислонилась к Маме, головой к плечу, а она прислонилась ко мне, лицом к макушке. Мы так иногда спали ночью. Ей нравилось, чтобы подушки были сзади и чтобы я лежала при ней — и подавала младенчиков. Повозку покачивало, и я уснула, сны закрутились дымками, обрывками того, что она хотела мне сказать, да сил не хватило. Так мы и спали, сомкнувшись, как створки раковины, а солнце опускалось все ниже, и с полей

наползали по-летнему теплые сумерки. Хотя на дворе был апрель, и я это помнила, и тут повозка закачалась и заскрипела, потому что он съехал с дороги. В те времена, если кто и выезжал из нашей горной глуши, останавливались не при дорогах, а в сторонке, подальше от глаз. Я почувствовала, что мы въехали в тень бука, и открыла глаза, бук такой большой, крона раскинулась будто крыша циркового шатра, длинные пятнистые ветки свесились до самой земли. Свежая травка под буком была зеленой и мягкой, прямо как в сказке.

Вот бы нам тут пожить, сказала я.

Он застопорил повозку, пустил лошадь пасть. Потом залез ко мне, переложил Маму назад. Дал мне пакетик сушеных яблок. Сказал, это тебе на ужин. Сиди, смотри вперед. И ни звука.

Я почувствовала, как он положил ее, покопошился, услышала, как он распускает ей корсаж. Я туда напихала чистых тряпочек, пеленок, какие еще от младенчиков остались. А то ж дорогое платье молоком перепачкается. Он туда и полез. А младенчики будут без нее плакать. Я услышала, как она тихо выдохнула с облегчением — я раньше такое слышала, когда они насосутся. Бледные кулачки блуждали по ее груди, потом пальчики раскрывались, а сейчас по ней елозили его руки и губы, тоже чтобы насытиться. Лицо у меня горело. Я ничего перед собой не видела и, кажется, слышала плач деточек где-то над полями. Ветки бука шелохнулись в одном месте, потом в другом, скрывая все из виду. А потом повозка начала

раскачиваться, и мне захотелось слезть. Я шевельнулась, но тут услышала его хриплый шепот: *Тихо*. Не поняла, кому это он, ей или мне. Мне порой виделось, как все кругом плывет, а потом вдруг делается плотным, отчетливым и странным. Вот и сейчас нити семян мерцали в обвисших гроздьях, приподнимая крону дерева зыбучей волной, про которую я знала: она существует только в моем зрении. Потом поля зазолотились, травинки вспыхнули, сделались четкими. Блестящие лезвия тянулись к закату, тянули его вниз, озаряли все красным, синим и снова красным, а потом белая вспышка внутри этих красок пронзила меня насквозь.

Когда я проснулась, оказалось, что он переложил меня поближе к Маме, а в небе чернота. Ее голова у меня на груди была теплой и твердой, как нагретый на солнце камень. Я подумала, не лихорадит ли ее, но это я продрогла, потому что не двигалась, а в голове все успокоилось. Мне случалось так провалиться в сон и проснуться на том же месте, только время успевало ускользнуть, когда немножко, когда побольше. Время ушло, а я не заметила. Вокруг пустота, но плавучая, наполненная, и всей боли конец. Дервля говорила, что это теперь у меня потребность такая, что до появления Папы я никогда так не «отдыхала». Я проснулась в таком покое, что и двигалась разве что в мыслях. Над нами сплошные

звезды, одни лишь звезды в чернильной тьме, а мы опять на дороге. Тут я начала падать вверх, в ночное небо, а оно убегало прочь, поворачиваясь, будто чашка. Ручку Ковша пересекла падающая звезда. Я увидела пояс Ориона и отодвинула ее в сторону, чтобы сесть и поглядеть на Бетельгейзе и Беллатрикс. Я знала все созвездия, если смотреть от одного к другому, видеть их целиком, как картинки на тарелке.

Тут он позвал меня к себе. Иди сюда, сказал, Коннолли.

Я села с ним рядом. От холода меня трясло, я натянула шерстяную кофту. Сказала ему: надо мне было одеться понаряднее.

И так хорошо, ответил Папа.

Мы ехали по голому холму, поля, насколько видно, лежали плоские, лысые. Кто-то пустил по ним пал — зерно изничтожил, солому оставил. Пал вместо жатвы. Может, в зерне завелся какой жук или грибок — потом и следующий урожай будет потравлен. Фермеры такие поля поджигали факелами. Тому, похоже, уже несколько дней, но дождя не было, запах остался. Пахло подгоревшей жареной кукурузой, сырой почвой, землистый запах висел на тумане с росой в подпаленном воздухе. Дорога пусто катилась сквозь, пыльная, желтая от света луны.

Сразу Войну вспоминаешь, сказал Папа. Одиноко оно, когда все выжжено и мертво до самого горизонта. Мы так и делали, палили их подчистую.

А они палили нас, сказала я.

Это верно, сказал он, но вас так и не сыскали там, за кряжем.

Я не стала говорить, что сыскали и сколько раз — не перечить. Мама прятала меня в погребе, однажды сунула в руку пучок морковки, которую сорвала, пока мы бежали. Не вылезай ни в коем случае, пока я за тобой не приду! И пихнула меня внутрь. Мне она сказала, когда еще могла говорить, чтобы я про Войну ни гу-гу. Неважно, кто победил, не дело рассказывать обо всем, что было. Я знала, что сторонники рабства проиграли, противники победили и все вернулись разбитыми и неприкаянными.

Эта лачуга, сказал Папа, вдали от глаз. Смотреть не на что, зато в лесу и подъем крутой. Ровной земли нет, ничего не посадишь. Не понимаю, как вы справлялись.

У Мамаы огород был немаленький, сказала я, отдельными грядками, тут и там. Две коровы, кур держали побольше, соседки на обмен разное приносили. Дервля на телеге в город ездила, торговала своими вытяжками и кореньями.

Велено ж тебе эту не поминать, сказал Папа.

Я просто о том, что Мама была не такой, как сейчас.

Это точно, сказал он. Да. Бывает, что напряжение спадет, тут человек и в клочья. Хорошо, что я вовремя появился.

Стоны катящейся повозки вгоняли в дрему. Как ни пыталась, я не могла вспомнить, когда он пришел домой. Помнила, что был какой-то праздничный пикник у церкви, флаги на деревьях, флейта и барабан, может,

именно по этому поводу. Нет, не оно. Мы после его возвращения к церкви и близко не подходили.

Тебе кое-что знать нужно, сказал он. Девочка, пока месячные не придут, не может забрюхатеть. Женщина, пока грудью кормит, не может забрюхатеть. Мисс Джелет не забрюхатеет.

Так забрюхатела же, сказала я. Пока еще парнишку кормила.

Парнишка уже садился. Полгода ему было. Тогда много времени прошло. Сейчас мало. Мелкие еще когда сядут.

Я ничего не ответила, только посмотрела вперед, где дорога делала поворот.

Хорош парнишка, сказал он и рассмеялся. Этаким горный козлик. Мальй еще — а как ходит и как рассуждает. Этот уж точно мой.

Мы все твои, сказала я.

Вдали показалась рощица, длинная, будто сгрудилась целая толпа. Потом, как мы подъехали, деревья распрямились и встали по обе стороны дороги.

Он протянул мне губную гармошку из кармана. Сыграй чего поспокойней, сказал он.

Я сыграла «Кэмптонские скачки»*, медленно, будто гимн, и чтоб только нам было слышно.

Оставь гармошку себе, сказал он. Ты лучше многих играешь.

* «Кэмптонские скачки» (англ. “Camptown Races”) — народная песня американского композитора Стивена Фостера (1826–1864). — *Прим. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru